

УДК 323.1:81'272(=511.1)

ШАБАЕВ Юрий Петрович, доктор исторических наук, заведующий сектором этнографии Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН. Автор 410 научных публикаций, в т. ч. 8 монографий

АЙБАБИНА Евгения Авенировна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора языка Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН. Автор 75 научных публикаций, в т. ч. 9 словарей коми языка (в соавт.)

ДЕНИСЕНКО Валентина Николаевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора этнографии Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН. Автор 60 научных публикаций

ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ В РЕГИОНАХ ПРОЖИВАНИЯ ФИННО-УГРОВ РФ

В статье рассматриваются проблемы, связанные с сохранением этничности, а именно языковая политика в финно-угорских регионах. Приводятся свидетельства наличия конфликта этноязыковых позиций основных этнических групп населения регионов. Обосновывается мнение, что решение языковых проблем возможно при утверждении мультикультурности в политике и общественных настроениях.

Ключевые слова: финно-угорские народы, этничность, язык, языковая политика, этноязыковая ситуация, национальная школа.

Между русскими и финно-уграми в процессе многовекового взаимодействия сложилась очевидная культурная близость, что дает возможность предполагать отсутствие в их отношениях серьезных проблем как на общенациональном, так и на региональном уровнях. Но это не вполне соответствует действительности, и свидетельством тому являются этноязыковые позиции основных этнических групп, а также

характер дискуссий, которые касаются статуса языков титульных этнических групп, их функций и роли в общественной жизни регионов традиционного проживания финно-угров. И здесь важно заметить, что сегодня именно язык оказывается в центре всех дискуссий, касающихся проблем сохранения этничности, а языковая политика местных властей становится почти синонимом региональной этнополитики.

* Работа выполнена в рамках проекта 12-66-9-005-Арктика «Межкультурное взаимодействие и конструирование культурных границ на Европейском Севере России: мониторинг этнической конфликтности и оценка перспектив гражданской консолидации», 2012–2014 годы.

С начала 1990-х годов предпринимаются различные меры по поддержке миноритарных языков: принимаются законы о государственных языках и повышается их статус, разрабатываются государственные программы развития, усиливается работа по нормированию и т. д. Все эти меры получают официальную поддержку. Тем не менее заметных изменений в этноязыковой ситуации не происходит. И это объяснимо – финно-угры были и остаются этническими меньшинствами и при этом они воспринимают русских как референтную группу, поскольку, несмотря на стабильное повышение образовательного уровня, финно-угры все еще отстают в образовательном плане от русских, а доминантная культура очевидно воспринимается представителями этнических меньшинств как более престижная. Изменить культурную ситуацию и культурные ориентации можно только при изменении демографических пропорций этнических групп, что едва ли произойдет в обозримой перспективе. Поэтому культурная интеграция меньшинств в доминантное большинство является устойчивой и долговременной тенденцией.

В этой связи нельзя не остановиться на проблеме витальности (жизненности) языков российских финно-угров, зависящей от целого ряда объективных и субъективных факторов. Установлено, что существует прямая зависимость между количеством социальных функций языка и его жизненностью. Однако, помимо объема социальных функций и интенсивности использования какого-либо языка в различных сферах общения, в числе важных показателей его витальности рассматриваются также следующие: количество говорящих на языке и его соотношение с численностью соответствующей этнической группы; использование языка младшим поколением; количество билингвов; наличие программы поддержки функционирования языка.

Анализ социолингвистических параметров коми-зырянского, марийских, мордовских, удмуртского языков (данные 1994–1998 годов) позволил дать достаточно высокую оценку их

жизненности. Однако перспективы дальнейшего функционирования данных языков связаны с тем, будут ли экстралингвистические факторы способствовать или препятствовать их функциональному развитию.

Коми, коми-пермяки, удмурты, марийцы, мордва остаются преимущественно аграрными этническими сообществами, и на селе в своих регионах они обычно численно доминируют, а потому здесь роль финно-угорских языков остается весомой. Иная ситуация в городах, где финно-угры находятся в меньшинстве, межэтнические контакты очень интенсивны, а русский язык доминирует во всех сферах, в т. ч. и в семейном общении представителей этнических меньшинств. Немаловажно и то, что финно-угры в составе городского населения своих республик и округов составляют не просто меньшинство, но меньшинство, сформировавшееся преимущественно из сельских мигрантов, представители которого стремятся интегрироваться в доминирующую культурную среду. Культурная интеграция, в т. ч. языковая ассимиляция (и аккультурация), есть важный этап социализации мигрантов и их детей.

Перепись населения 2002 года только подтвердила тот факт, что языковая ассимиляция продолжается и становится более масштабной, что она тесно коррелирует с ростом доли городского населения среди финно-угров.

Что же касается языковых ориентаций, то они продолжают смещаться в сторону русского языка. Согласно данным микропереписи населения 1994 года, на русском языке в семье из каждой тысячи общаются 987 вепсов, 825 карел, 568 коми, 381 коми-пермяк, 363 марийца, 350 удмуртов, 864 ханта [9, с. 10].

Отношение к русскому языку в целом позитивное у всех этнических групп, ибо сама обыденная практика доказывает людям, что общий язык необходим. Другая ситуация с отношением к языку титульных этнических групп. Так, опросы населения Республики Коми (2004) и Коми-Пермяцкого округа (2005), проведенные по единой программе, показали, что в республике 26,6 % респондентов считают, что все дети

в школах должны изучать коми язык, в округе доля аналогично настроенных респондентов была ниже – 17,5 %. Проведенный в 2001 году массовый опрос населения Марий Эл показал, что здесь за то, чтобы все дети в школах изучали марийский язык, высказалось 38,9 % респондентов [5, с. 110]. Сходные данные были получены и в Мордовии. Самая большая доля респондентов (от 1/2 до 2/3) во всех случаях ратует за то, чтобы язык титульных групп изучался учащимися только по желанию.

Картина существенно меняется, если мы станем анализировать позиции разных этнических и социальных групп населения. Среди коми в Республике Коми доля тех, кто считает необходимым, чтобы все дети в школах изучали коми язык, составляет 35,8 %, а среди русских респондентов – 13,3 %. За свободный выбор высказались, соответственно, 48,4 % и 59,8 %. Аналогичная ситуация и в Коми-Пермяцком округе, где, однако, доля выступающих за свободу выбора выше. Такова же ситуация и в Марий Эл: здесь за необходимость обучения марийскому языку всех школьников республики выступают 19,4 % русских и 62,1 % марийцев, против обучения марийскому языку высказались 65,7 % русских и 23,7 % марийцев [5, с. 110].

Следует отметить, что в Республике Коми и Коми-Пермяцком автономном округе сельское население более решительно выступает за изучение коми языка всеми школьниками, нежели горожане. В обоих случаях большинство сел и деревень – это поселения с полным доминированием коми населения и преимущественно комиязычной языковой средой. Таким образом, сложившаяся языковая среда оказывает заметное воздействие на этноязыковые позиции групп. В Марий Эл такой четкой зависимости в процессе указанного исследования не выявлено.

Опыт *внешнего восприятия* культурных различий и языковые ориентации тесно коррелируют друг с другом. Неслучайно результаты опросов показывают, что язык воспринимается значительной частью населения как важнейший этнодифференцирующий признак и глав-

ный идентификационный маркер. Однако идеальные модели и реальная языковая практика очень далеки друг от друга. На практике даже на уровне семьи чаще используется не родной язык, а русский. Что касается молодежи, особенно городской, то она однозначно ориентирована на русский язык. По данным опроса 2004 года, всего 3 % городских коми семей говорит с детьми на коми языке, в Коми-Пермяцком округе – 11,5 %. В городах Коми не владеют коми языком уже 42 % детей. Свободно говорит на нем только четверть детей. Сходная ситуация имеет место и в других регионах проживания финно-угров. Так, данные опроса учащейся молодежи 9-11 классов, проведенного в 2000 году в Марий Эл, показали, что более 30 % марийских детей дома с родителями говорят только по-русски и лишь 23 % считают, что знание марийского будет им необходимо в дальнейшей жизни [3, с. 97].

По-видимому, признание языка самым важным культурным маркером на деле есть лишь глубоко укоренившийся культурный стереотип. При более детальном анализе того, какой из культурных определителей для сохранения и поддержания этничности оказывается наиболее значимым, оказывается, что так или иначе большинство людей признают, что первостепенное значение имеет все же этническое самосознание.

Приведенные нами выше данные со всей очевидностью свидетельствуют о наличии конфликта интересов, а точнее сказать, конфликта этнокультурных (этноязыковых) позиций в отношениях между крупнейшими этническими общинами населения в финно-угорских республиках РФ. Этот конфликт не только является важным показателем, который характеризует общую этническую ситуацию в указанных регионах, но и требует вдумчиво и осторожно корректировать языковую и этнонациональную политику, проводимую региональными властями.

Основное значение в сохранении языков многие эксперты и преподаватели финно-угорских языков, что вполне естественно, придают школе. Так, опрос преподавателей карельских

школ показал, что большинство из них (2/3 опрошенных) видят способ решения проблемы повышения языковой компетенции учащихся в увеличении часов, отводимых на изучение языка, т. е. в простых механических изменениях. Однако при этом они сами же и указывают, что школы к данным изменениям практически не готовы [2, с. 32–33].

Что касается механизмов повышения престижа языков меньшинств и изменения массовых языковых ориентаций, то об этом специалистами говорится мало и неохотно. Одним из наиболее распространенных способов решения названной проблемы видится введение обязательного изучения языков титульных этнических групп всеми учащимися средних школ в каждой конкретной республике. Некоторые филологи утверждают, что «обязательность изучения есть лишь охранная норма» [4, с. 16].

Вышеуказанные взгляды и образовательные практики основываются на концепциях лингвистической экологии, суть которых сводится к необходимости сохранения всех языков, во что бы то ни стало. Сторонники этих концепций признают допустимыми любые меры и не всегда склонны считаться с мнением даже самих носителей языков. Видимо, неслучайно в рассуждениях о необходимости функционального развития финно-угорских языков, повышения их престижа, расширения преподавания языков в школах отсутствует такой важный институт социализации, как семья. Именно в семье человек получает первые языковые навыки и именно *семья является важнейшим транслятором культурных традиций*. Но вместе с тем культурные ориентации семьи диктуются не столько символическими значениями, сколько рациональным выбором. А соображения рационального порядка показывают, что финно-уграм выгоднее ориентироваться на язык большинства, поскольку владение этим языком открывает больше возможностей. Язык большинства – это еще и государственный язык, средство интеграции граждан, и не приходится надеяться на то, что государство откажется от эффективного инструмента

интеграции и предоставит миноритарным языкам приоритет хотя бы на локальном уровне. Можно сказать, что в этом не заинтересовано и политическое сообщество в целом (граждане страны), поскольку гражданская солидарность и гражданское единство формируются через общие культурные ценности. В этой связи семья может и должна компенсировать ограниченность сферы применения миноритарных языков в социальном пространстве представителя меньшинств, и только она может эффективно сохранять языковые навыки.

Без семьи решить проблему повышения языковой компетенции представителей меньшинств нельзя. Более того, в триаде *семья – школа – окружающая культурная среда* важны все три компонента, и за счет только одного из них невозможно решить проблему изменения культурных ориентаций, проблему статуса тех или иных элементов этнической культуры. При этом семья в указанной триаде стоит на первом месте не случайно. Иными словами, в решении вопроса о повышении престижа языков меньшинств нет простых решений. Меньшинства объективно находятся в более уязвимом положении, и престиж их языков всегда будет ниже, нежели у доминантного населения.

Для того чтобы поддерживать язык меньшинств, требуются не простые решения, а сложная, долговременная и кропотливая работа многих специалистов, реально заинтересованных в результате. И следует признать, что *пока серьезной программы и стратегии действий по изменению языковой ситуации в регионах проживания финно-угров не предложено*.

Тем не менее, начиная с 1990-х годов, в результате принятия в ряде республик законов о языках сформировались благоприятные условия для активного сознательного вмешательства в языковые процессы. В финно-угорских регионах страны, в связи с расширением социальных функций многих языков, проводится большая работа по развитию и обновлению их лексических систем в значительной степени за счет использования внутренних ресурсов этих языков. Как отметил коми языковед

Е.А. Цыпанов, за последние полтора десятилетия в родственных финно-угорских языках «возникла новая лингвистическая реальность в виде большого корпуса неологизмов...» [10, с. 25].

Так, в коми языке появилось около 2 тыс. новых слов, но такое масштабное словотворчество неоднозначно воспринимается носителями коми языка. У кого-то эти изменения вызывают резкое неприятие и оцениваются ими как порча языка, другие принимают новую данность.

Следует отметить, что во все периоды развития коми языка иноязычные слова, в т. ч. и заимствованные из русского и через русский язык, являлись источником пополнения и обогащения его словарного состава. Без сомнения, они и в дальнейшем будут занимать в нем свое место. Однако в условиях, когда практически все население, говорящее на коми языке, владеет одновременно и таким языком, как русский, важно не потерять менее защищенный язык, поскольку количество билингвов и, соответственно, монолингвов является одним из существенных факторов, влияющих на жизнеспособность того или иного языка.

Особая ситуация сложилась с карельским языком. Активисты карельского движения долгое время добиваются придания ему статуса государственного в Карелии, но этот чисто формальный акт вряд ли способен существенно изменить языковую ситуацию в республике, ибо даже у специалистов здесь нет единого мнения о путях развития единого карельского литературного языка [8, с. 14–15].

Что касается угорских языков, к примеру хантыйского, то с их развитием сложностей еще больше, поскольку проблема их нормирования еще только начинает решаться [6, с. 9].

Весьма критично проблему повышения роли литературных языков российских финно-угров оценивает финская исследовательница Сирька Сааринен. Она полагает, что современные проблемы языков были порождены еще на начальном этапе советского культурного строительства. «Литературные языки были созданы не в течение нескольких столетий, как например финский язык, а в течение нескольких десяти-

летий. Такая спешка, а также неопытность тогдашних лингвистов и работников культуры привели к сегодняшней плачевной ситуации, где почти все финно-угорские народы в России имеют больше чем один литературный язык. Эти литературные языки обычно основаны на одном диалекте, и в силу этого они не были приняты людьми, говорящими на других диалектах» [7, с. 75].

Если перевести дискуссии о языке в правовое русло, то необходимо оценивать ситуацию с точки зрения двух правовых норм, а именно: права на отличие, с одной стороны, и права на культурную свободу – с другой.

Важный аспект языковых дискуссий в «финно-угорских регионах» – **правовая асимметрия**, когда их участники безусловно признают право на отличие, но мало кто готов признавать право на культурную свободу.

Право на отличие означает, что каждый человек может изучать родной язык, и это изучение должно опираться на поддержку государства, т. е. государство призвано создавать условия для изучения родных языков.

Право на культурную свободу, с другой стороны, базируется на том, что каждый человек (включая носителей финно-угорских языков) вправе сам выбирать те культурные нормы (включая язык), которые для него являются предпочтительными.

Характерной чертой языковых и этнокультурных дискуссий является использование термина «языковой нигилизм», который наиболее часто употребляют применительно к представителям финно-угорских народов, не желающим использовать или учить язык предков. Тем самым свободный выбор культурных ценностей трактуется как негативное явление, хотя это естественное и неизбежное явление в мультикультурном сообществе.

Языковое законодательство и языковая политика есть лишь часть этнонациональной политики государства, и потому она должна преследовать ясные и понятные цели, сопряженные с целями общей социальной политики государства.

Что может являться целью этноязыковой политики? На наш взгляд, можно выделить три наиболее очевидных ориентира, которые имеют значение для культурного позиционирования меньшинств и которые тесно связаны с языковой политикой. Первый касается сохранения языка в контексте поддержания культурной самобытности этнических сообществ. Вторым связан со сферой образования и формированием этнических школ как инструментов этнонациональной политики. Третьим ориентиром, видимо, можно считать расширение коммуникативных возможностей языка, превращение его в элемент поддержания культурной солидарности как внутри этнической группы, так и внутри полиэтнического территориального сообщества.

Любая из трех указанных целей сегодня может быть продекларирована и принята в качестве политического ориентира только в случае, если разработаны четкие механизмы их достижения и если реализация названных целей не порождает конфликтов между культурными группами.

Язык есть носитель культуры, но этнокультурная специфичность не требует отдельного языка для каждой культурной группы. Тому есть множество примеров. Если не удастся сохранить культурную специфику и ментальность этнического сообщества, то язык не сможет компенсировать эти потери. Абсолютизацию роли языка в культурном позиционировании финно-угров Майкл Бранч назвал процессом мистификации [1, с. 52–57]. Некоторые западные исследователи подчеркивают, что абсолютизация языка как маркера идентичности есть, по сути, стремление придать языку форму идеологии.

Очевидно также, что абсолютизация роли языка и политизация языкового строительства не решает проблемы и не дает ответа на вопрос, как сохранять язык. Уповать на политические методы решения этой проблемы можно, но ни государственный патернализм в отношении национальных меньшинств, ни навязывание с помощью государства культурных стандартов меньшинству большинству не смогут решить названные выше проблемы.

На наш взгляд, путь их решения должен лежать в сфере утверждения мультикультурности в политике, социальной сфере и в общественных настроениях, т. е. это не локальная проблема, а проблема стратегии социокультурного развития страны.

В решении проблем меньшинств в первую очередь сегодня должен быть достигнут общественный консенсус. Большинство должно добровольно пойти навстречу интересам меньшинства. Но и меньшинство (включая этнические элиты и этнополитических лидеров) для этого должно уважительно отнестись к большинству. Только такая позиция и может считаться толерантной.

Анализ реальной ситуации показывает, что в сфере образования самой актуальной задачей на сегодня является существенное повышение общего качества обучения в сельских образовательных учреждениях. Если выпускник школы, хорошо знающий родной язык и литературу, будет слабо подготовлен по другим предметам, перспективы его карьерного роста окажутся весьма призрачными. Такие выпускники окажутся неконкурентоспособными на рынке труда и вынуждены будут осваивать непрестижные и плохо оплачиваемые сферы деятельности. Это приведет к укоренению и усилению в массовом сознании меньшинств и доминантных групп «комплекса социальных аутсайдеров», что только усилит стремление представителей меньшинств к смене своего этнического самосознания и интеграции в доминантные группы.

Реализация масштабных программ поддержки сельских школ позволит преодолеть разрыв в качестве образования между выпускниками городских и сельских школ, что в свою очередь усилит позиции финно-угорских этносов в культурной конкуренции. Очевидно, что языковая политика в регионах проживания финно-угров и языковое строительство есть комплексная и сложная проблема, а предлагаемые сегодня принципы и направления ее решения вряд ли способны изменить отношение к миноритарным языкам.

Список литературы

1. Бранч М. Размышление об общей истории уральских языков // *Linguistica uralica*. 1993. № 1.
2. Клементьев Е.И. Роль школы в сохранении языков // Фин.-угор. вестн. 2005. № 39.
3. Кондрашкина Е.А. Динамика функционального развития марийского языка. М., 2008. 180 с.
4. Кудряшова Л. Коми речь! Терпи, родная // Фин.-угор. вестн. 2005. № 39.
5. Межнациональные отношения в Республике Марий Эл. Йошкар-Ола, 2005. 153 с.
6. Ользина Р., Скрибник Е., Кошкарёва Н. Как развиваться хантыйскому языку // Мир Севера. 2007. № 4.
7. Сааринен С. Проблемы формирования и развития финно-угорских литературных языков // Коми-пермяки и финно-угорский мир: тез. докл. и выступлений междунар. конф., Кудымкар, 26–28 мая 1995 г. Сыктывкар, 1995. 128 с.
8. Фарутин А. Под угрозой исчезновения // Фин.-угор. вестн. 2005. № 39.
9. Финно-угорские регионы России: стат. сб. Сыктывкар, 1999. 98 с.
10. Цыпанов Е.А. Лексическое обновление в коми, удмуртском и марийском языках: общее и особенное // История, современное состояние, перспективы развития языков и культур финно-угорских народов: материалы III Всерос. конф. финно-угроведов, г. Сыктывкар, 1–4 июля 2004 г. Сыктывкар, 2005. 623 с.

References

1. Branch M. Razmyshlenie ob obshchey istorii ural'skikh yazykov [Reflections on the General History of Uralic Languages]. *Linguistica uralica*, 1993, no. 1.
2. Klement'ev E.I. Rol' shkoly v sokhranении yazykov [School's Role in Preserving Languages]. *Finno-ugorskiy vestnik*, 2005, no. 39.
3. Kondrashkina E.A. *Dinamika funktsional'nogo razvitiya mariyskogo yazyka* [Functional Development Dynamics of the Mari Language]. Moscow, 2008. 180 p.
4. Kudryashova L. Komi rech'! Terpi, rodnaya [Komi Speech! Hold on, My Dear]. *Finno-ugorskiy vestnik*, 2005, no. 39.
5. *Mezhnatsional'nye otnosheniya v Respublike Mariy El* [Inter-Ethnic Relations in the Republic of Mari El]. Yoshkar-Ola, 2005. 153 p.
6. Ol'zina R., Skribnik E., Koshkareva N. Kak razvivat'sya khantyyskomu yazyku [How the Khanty Language Should Develop]. *Mir Severa*, 2007, no. 4.
7. Saarinen S. Problemy formirovaniya i razvitiya finno-ugorskikh literaturnykh yazykov [Problems of Formation and Development of Finno-Ugric Literary Languages]. *Komi-permyaki i finno-ugorskiy mir: tez. dokl. i vystupleniy mezhdunar. konf.* [The Komi-Permian and Finno-Ugric World. Abstracts of Presentations and Reports at an International Conference]. Kudymkar, 26–28 May 1995. Syktyvkar, 1995. 128 p.
8. Farutin A. Pod ugrozoy ischeznoveniya [Under the Threat of Extinction]. *Finno-ugorskiy vestnik*, 2005, no. 39.
9. *Finno-ugorskie regiony Rossii. Stat. sb.* [Finno-Ugric Regions of Russia. Statistical Book]. Syktyvkar, 1999. 98 p.
10. Tsypanov E.A. Leksicheskoe obnovlenie v komi, udmurtskom i mariyskom yazykakh: obshchee i osobennoe [Lexical Updates in the Komi, Mari and Udmurt Languages: The General and the Special]. *Istoriya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya yazykov i kul'tur finno-ugorskikh narodov: materialy III Vseros. konf. finno-ugrovedov* [History, Current State and Prospects of Development of Languages and Cultures of the Finno-Ugric Peoples. Proc. 3rd National Conference for Finno-Ugric Studies]. 1–4 July 2004, Syktyvkar. Syktyvkar, 2005. 623 p.

Shabaev Yuri Petrovich

Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar, Russia)

Aybabina Evgeniya Avenirovna

Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar, Russia)

Denisenko Valentina Nikolaevna

Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar, Russia)

LANGUAGE POLICY ISSUES IN THE REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION INHABITED BY FINNO-UGRIC PEOPLES

The article covers the issues of preserving ethnicity, namely, language policy in Finno-Ugric regions. The authors provide evidence of existing conflict between ethnolinguistic attitudes of the key ethnic groups in these regions. The opinion is substantiated that language problems can be solved by establishing multiculturalism in politics and public opinion.

Keywords: *Finno-Ugric peoples, ethnicity, language, language policy, ethnolinguistic situation, ethnic school.*

Контактная информация:

Шабает Юрий Петрович

адрес: 167982, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26;

e-mail: Yurshabaev@mail.ru;

Айбабина Евгений Авенировна

адрес: 167982, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26;

e-mail: ajbabina.evgenya@yandex.ru;

Денисенко Валентина Николаевна

адрес: 167982, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26;

e-mail: illh@mail.komisc.ru

Рецензент – *Теребихин Н.М.*, доктор философских наук, профессор кафедры культурологии и религиоведения института социально-гуманитарных и политических наук, директор Центра сравнительного религиоведения и семиотики Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова